

Содержание

Глава первая	3
Глава вторая	19
Глава третья	31
Глава четвертая	37
Глава пятая	67
Глава шестая	79
Глава седьмая	92
Глава восьмая	109
Глава девятая	113
Глава десятая	124
Глава одиннадцатая	132
Глава двенадцатая	145
Глава тринадцатая	159
Глава четырнадцатая	165
Глава пятнадцатая	175
Глава шестнадцатая	186
Глава семнадцатая	195
Глава восемнадцатая	197
Глава девятнадцатая	211
Постскриптум цензора	221

Глава первая

Книга, которую я начинаю писать, покажется бессмысленной многим — если рискнуть предположить, что «многие» ее вообще прочтут — поскольку я, хоть и взялся за этот труд исключительно по собственной воле и без чьего-либо приказа, цель свою пока различаю неясно. Я хочу и должен — и ничего более. Требование определить цель и составить план для всего, что ты делаешь и говоришь, звучит все ультимативнее, предполагая, что никто ни слова не должен произносить наобум — и только автор этой книги вынужден избрать иной путь, выйдя на простор бесцельного. Ибо, несмотря на то, что годы (думаю, их уже больше двадцати), проведенные мною здесь в качестве заключенного и химика, были достаточно заполнены работой и не оставляли досуга, есть нечто, не позволяющее мне удовлетвориться этим, — нечто, генерирующее и контролирующее иную мою внутреннюю работу, контролировать которую сам я не способен, но в которой тем не менее заинтересован глубоко и почти болезненно. Эта работа завершится, как только я закончу книгу. Таким образом, осознавая степень бессмысленно-

сти моих писаний для всех, кто мыслит рационально и практически, я все равно продолжаю писать.

Возможно, раньше я бы на это не решился. Возможно, легкомысленным меня сделала именно тюрьма. Условия жизни у меня сейчас почти не отличаются от того, как я жил, будучи свободным человеком. Пища чуть хуже — я привык. Нары жестче, чем кровать в родном Химиогороде № 4 — я привык. Я реже выхожу на улицу — я привык и к этому. Тяжелее всего далась разлука с женой и детьми, особенно учитывая, что я ничего не знал (и по-прежнему не знаю) об их судьбе; именно из-за этого первые годы моего заточения были наполнены отчаянием и страхом. Но постепенно я успокоился, а существование даже начало мне нравиться. У меня нет поводов для тревог. Нет подчиненных и начальников — только охранники, которые почти не вмешиваются в мою работу, следя лишь за тем, чтобы я соблюдал предписанные правила. Нет покровителей и конкурентов. Ученые, на встречи с которыми меня иногда приводят, чтобы познакомить с новинками хронологии химии, вежливы и признают во мне профессионала, пусть и с долей снисхождения к моей национальности. Я знаю, что ни у кого нет причин мне завидовать. То есть с некоторого момента я почувствовал себя даже более свободным, чем на свободе. Однако по мере обретения покоя началась эта странная обработка прошлого, и она явно не закончится, пока я не допишу все свои воспоминания об одном весьма событийном периоде моей жизни. Я ученый, поэтому писать мне разре-

шено, а первичный контроль осуществляется только при сдаче готового исследования. Поэтому я и позволяю себе это единственное удовольствие, понимая, что могу лишиться и его.

Описываемые события начинаются, когда мне было около сорока. Кстати, вообразить собственную жизнь в виде картины — это лучший способ представиться. Мало что способно так же подробно рассказать о человеке, как картина жизни: что она для него — дорога, линия фронта, растущее дерево или морской прибой? Для меня это лестница, по которой, как считает пай-мальчик-отличник, нужно изо всех сил бежать вверх от пролета к пролету, не переводя дух и отрываясь от наступающих на пятки соперников. Впрочем, соперников у меня почти не было. Честолюбие большинства коллег по лаборатории касалось только военного дела, а к дневной работе они относились как к скучной, но необходимой паузе перед вечерними военными учениями. Я же, будучи отнюдь не плохим бойцом, вряд ли признался бы кому-либо из них, что химия интересует меня гораздо больше военной службы. По своей лестнице я в любом случае перемещался вверх. И никогда не задумывался ни о том, сколько ступенек осталось позади, ни о блаженстве, которое ждет меня наверху. Возможно, я смутно представлял себе жизнь в виде обычного городского дома, в котором ты, появившись из недр земли, в финале оказываешься на открытой крыше, где тебя ждет свежий вечерний воздух и солнечный свет. Однако, чему именно соответствуют чердак и свет примени-

тельно к моей жизненной стезе, я не представлял. Но преодоление очередного пролета непременно отмечалось коротким официальным извещением высшей инстанции: экзамен сдан, тест пройден, мне предоставлено более важное поле деятельности. Подобных финишных и стартовых точек у меня скопилось достаточно много, впрочем, не настолько, чтобы блекло значение новых. Поэтому я и почувствовал жар в крови, узнав из краткого телефонного разговора, что завтра мне назначат куратора и я смогу начать экспериментировать с человеческим материалом. Иными словами, мое самое крупное на тот момент открытие завтра будет подвергнуто главному испытанию.

Я пришел в такое возбуждение, что в оставшиеся десять минут рабочего времени никак не мог приступить к какому-либо новому делу. Вместо этого я пошел на хитрость — кажется, впервые в жизни — и начал заблаговременно, медленно и осторожно убирать аппараты, искоса посматривая в обе стороны через стеклянные стены, чтобы удостовериться, что за мной не наблюдают. Как только раздался сигнал окончания смены, я спешно устремился по длинным коридорам лаборатории к выходу, оказавшись чуть ли не первым в потоке. Быстро принял душ, переделся из униформы для работы в униформу для досуга, запрыгнул в лифт-патерностер и несколько мгновений спустя уже стоял на улице. Нам выделили квартиру в районе моей работы, что обеспечивало наземной лицензией, и я всегда наслаждался возможностью прогуляться на свежем воздухе.

Когда я проходил мимо метро, меня осенило, что можно подождать Линду. Я вышел рано, и она наверняка еще не успела вернуться домой со своего пищевого комбината, находившегося примерно в двадцати минутах езды на метро. Подъехал поезд, хлынувший из-под земли людской поток сначала столпился у турникета, где проверялись наземные лицензии, а потом растворился на ближайших улицах. Поверх крыш с опустевшими террасами, поверх рулонов брезента цвета серых скал и луговой зелени, с помощью которых город за десять минут можно было сделать невидимым с неба, я рассматривал кишашую толпу возвращающихся домой бойцов в униформе для досуга и внезапно подумал, что всех их, возможно, преследует мечта, похожая на мою, — мечта о пути наверх.

Мысль не отпускала. Я знал, что раньше, в цивилизованную эпоху, усердно работать людей заставляла надежда на более просторную квартиру, вкусную еду и красивую одежду. Сейчас все это никому не нужно. Квартиры стандартные: однокомнатные для одиноких, двухкомнатные для семейных — всем бойцам хватает с лихвой, и самым ничтожным, и самым заслуженным. В придомовых кухнях еда готовится и для генералов, и для рядовых. Стандартная униформа — одна для работы, вторая для отдыха, плюс еще одна для военно-полицейской службы — одинакова для всех, для мужчин и женщин, для высоких и низких, только чины обозначались по-разному. Что, впрочем, никак не отражалось на привлекательности униформы. Желанным в высо-

кой начальственной должности было исключительно то, что она символизировала. «На самом деле любой солдат Мирового Государства настолько высокодуховен, — радостно думал я, — что в его представлении высшая жизненная ценность выражается в виде трех черных петлиц на рукаве. Три черные петлицы служат залогом самоуважения и уважения со стороны других». Материальных наслаждений, разумеется, можно получить достаточно и даже ими пресытиться — именно поэтому я и подозреваю, что бывшие двенадцатикомнатные квартиры капиталистов тоже были всего лишь символом — однако пресытиться тем зыбким и ускользающим, что скрыто за петлицами, невозможно. Нет человека, который не стремился бы получить больше уважения и самоуважения, чем уже снискал. Именно это — самое одухотворенное, неосязаемое и недостижимое — и есть основа, на которой покоится наш установленный на века общественный порядок.

Я продолжал стоять в раздумьях у метро и, словно во сне, наблюдать, как вдоль квартальной стены, увенчанной колючей проволокой, вперед-назад перемещается охранник. Проехало четыре поезда, четыре раза на свет выплескивалась толпа, пока через турникет наконец не прошла Линда. Я поспешил к ней, и дальше мы пошли вместе.

Мы, разумеется, не разговаривали, поскольку учения воздушного флота делали любые разговоры на улице невозможными, будь то днем или ночью. Но она заметила радостное выражение у меня на лице и ободряюще кивнула, не теряя своей привыч-

ной серьезности. Внутри многоквартирного дома наступила относительная тишина — грохот метро все еще сотрясал стены, но уже позволял говорить беспрепятственно — но, поднимаясь в лифте к себе на этаж, мы все равно предусмотрительно молчали. Если бы нас застали за разговором в лифте, то со всей очевидностью заподозрили бы в обсуждении темы, которую мы хотим скрыть от детей и прислуги. Такое периодически случалось, когда враги государства и прочие предатели пытались использовать лифт для конспиративных встреч; место было подходящим, ведь ни око, ни ухо полиции нельзя вмонтировать в кабину по техническим причинам, а у вахтера обычно есть дела поважнее, нежели бегать по лестницам и подслушивать. Таким образом, мы соблюдали осторожность и заговорили только, когда оказались в семейной комнате, где дежурившая на этой неделе прислуга уже готовила ужин и ждала нас вместе с детьми, которых она забрала с детского этажа нашего дома. Девушка производила впечатление порядочной и милой, так что наше теплое приветствие было обусловлено не только пониманием того, что она, как всякая прислуга, в конце недели обязана предоставить отчет о семье — по сведениям, во многих семьях эта реформа существенно улучшила отношения. За нашим столом в тот день царил атмосфера особого уюта и веселья, поскольку к нам присоединился Оссу, наш старший сын. Он приехал из детского лагеря, где по расписанию значился семейный вечер.

— У меня есть хорошая новость, — сказал я Линде, пока мы ели картофельный суп. — Мой эксперимент продвигается так успешно, что завтра я смогу начать работу с человеческим материалом под надзором куратора.

— Как думаешь, кто это будет? — спросила Линда.

Внешне все наверняка осталось незаметным, но внутренне я содрогнулся от ее слов. Возможно, она спросила без задней мысли. Жена поинтересовалась, кто будет куратором мужа, — что может быть естественнее?! От придирчивости или уступчивости куратора зависит продолжительность эксперимента. А еще случается, что честолюбивые кураторы присваивают открытие себе, и возможности застраховаться от подобного относительно невелики. В том, что близкий человек хочет узнать, кто будет куратором, нет ничего странного.

Но я уловил в ее голосе подтекст. Мой непосредственный начальник и возможный будущий куратор — Эдо Риссен. Бывший сотрудник пищевого комбината, на котором работает Линда. Я знал, что в прошлом они как-то пересекались, и по ряду косвенных признаков понял, что некоторое впечатление он на мою жену произвел.

От ее вопроса проснулась и вырвалась на волю моя ревность. Насколько близки в действительности были ее отношения с Риссеном? Комбинат огромный, и двое могут легко выпасть из поля зрения там, где обзор сквозь стеклянные стены затрудняют мешки и контейнеры, а других сотрудников